

DOI: 10.25178/nit.2026.2.21

Рецензия

Истоки этничности тувинцев и формирования тувинского языка в синтезирующей концепции Ч. М. Доржу

Жансеит К. Туймебаев*Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,***Улданай М. Бахтикиреева***Российский университет дружбы народов; Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН,**Российская Федерация,***Жибек С. Сыздыкова***Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,**Российская Федерация*

Статья представляет собой читательскую рефлексию в отношении прочитанного монографического труда Ч. М. Доржу «История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование)» (2025).

Авторы статьи, солидаризируясь с коллективом издателей, считают, что впервые в научный оборот введено исследование, посвященное изучению этногенеза тувинцев и истории становления тувинского языка в неразрывном единстве. Учет различных экстралингвистических факторов и критериев и обширная аналитика фактологического языкового материала, позволяет расценивать проведенное Ч. М. Доржу исследование как новую синтезирующую концепцию в науке. Предложенная ученым периодизация — условное деление истории формирования тувинского языка на конкретные хронологические периоды — может рассматриваться и как периодизация становления тувинской этничности.

Основное внимание уделено осмыслению деконструкции ученым устойчивого в науке и социуме стереотипа об этногенезе и «младописьменности» тувинского народа и предложенной им периодизации истории формирования тувинского языка. Также осуществлена попытка установить корреляцию идей автора с идеями других ученых, работы которых по объективным причинам отсутствуют в библиографии монографии, и таким образом верифицировать его выводы.

Ключевые слова: тувинцы; этничность; этнос; тувинский язык; деконструкция; этнолингвистическая концепция; Чургуй-оол Михайлович Доржу

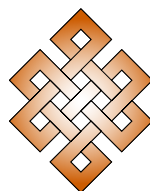
Для цитирования:

Туймебаев Ж. К., Бахтикиреева У. М., Сыздыкова Ж. С. Истоки этничности тувинцев и формирования тувинского языка в синтезирующей концепции Ч. М. Доржу // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 332-345. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.21>

Туймебаев Жансеит Кансеитович — доктор филологических наук, профессор, ректор Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

Бахтикиреева Улданай Максумовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Отдела литератур народов России и ближнего зарубежья Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН. Адреса: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А; 125069, Москва, ул. Поварская, д. 25а. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

Сыздыкова Жибек Сапарбековна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Экология культуры Востока» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: Россия, 103009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11. Эл. адрес: ccsa-iaas@yandex.ru

The Origins of Tuvan Ethnicity and the Formation of the Tuvan Language in the Synthesizing Concept of Churguy-ool M. Dorzhu

Zhanseit K. Tuimebayev

Farabi University, Republic of Kazakhstan,

Uldanay M. Bakhtikireeva

RUDN University of Russia; A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation,

Zhibek S. Syzdykova

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov State University, Russian Federation

This article presents a reflection on the monographic study by Churguy-ool M. Dorzhu “The History of the Formation of the Tuvan Language (A Comparative-Historical Study)” (2025).

Aligning with the position of the publishing team, the authors argue that this work, for the first time in scholarly discourse, introduces a study that examines the ethnogenesis of the Tuvan people and the history of the formation of the Tuvan language in their inseparable unity. The consideration of various extralinguistic factors and criteria, together with extensive analysis of empirical linguistic data, allows Dorzhu’s research to be regarded as a new synthesizing concept in the field. The periodization proposed by the scholar — defined as a conditional division of the history of the Tuvan language into specific chronological stages—may also be interpreted as a periodization of the formation of Tuvan ethnicity.

The article focuses primarily on interpreting the author’s deconstruction of the entrenched stereotype, present both in academia and in public discourse, concerning the ethnogenesis and the “recently developed written tradition” of the Tuvan people, as well as on his proposed periodization of the history of the Tuvan language. An attempt is also made to establish correlations between the author’s ideas and those of other scholars whose works are absent from the monograph’s bibliography for objective reasons, thereby providing a form of verification of his conclusions.

Keywords: *Tuvans; ethnicity; ethnos; Tuvan language; deconstruction; ethnolinguistic concept; Churguy-ool Mikhailovich Dorzhu*

For citation:

Tuimebayev Zh. K., Bakhtikireeva U. M., Syzdykova Zh. S. The Origins of Tuvan Ethnicity and the Formation of the Tuvan Language in the Synthesizing Concept of Churguy-ool M. Dorzhu. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 332-345. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.21>

TUIMEBAYEV, Zhanseit Kanseitovich, Doctor of Philology, Professor, Rector, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: turkology.ri@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5495-1686

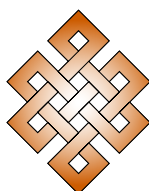

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University; Leading Researcher, Department of Literature of Russia’s Ethnicities and the CIS Countries, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences in Moscow. Postal addresses: 10F Miklukho-Maklaya St., 117198, Russia, Moscow; 25a Povarskaya St., 121069, Russia, Moscow. E-mail: uldanai@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5088-7568

SYZDYKOVA, Zhibek Saparbekovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Ecology of Oriental Culture Research Laboratory, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov State University. Postal address: 11 Mokhovaya St., Moscow, 103009, Russia. E-mail: ccca-iaas@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7261-7371

Введение

Научное издание «История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование)» (фото 1) тувинского ученого — Чургуй-оола Михайловича Доржу (1949–2018), ученика и последователя идей широко известного тюрколога и монголоведа Э. Р. Тенишева (1921–2004), было опубликовано в 2025 г. (Доржу, 2025) его коллегами — сотрудниками Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ), Национального музея им. Алдан-Маадыра Республики Тыва и Академии народных традиций Республики Тыва. Как отмечалось в информационном сообщении ТИГПИ, для них «выпустить в свет результаты фундаментального исследования Чургуй-оола Михайловича, ушедшего из жизни в 2018 году, стало важной данью памяти выдающегося ученого и лингвиста, внесшего значительный вклад в изучение родного языка и культуры Тувы»¹.

В «Предисловии к изданию» авторитетный тувинский ученый К. А. Бичелдей от имени соратников Ч. М. Доржу по науке, подготовивших рукопись к печати (Б. Ч. Ооржак — председатель, М. В. Бавуу-Сюрюн, Л. С. Мижит, К.-М. А. Симчит, О. М. Саая, Б. Бадарч, У. П. Бичелдей, Н. М. Очур, Ч. Ч. Норбу, Д. Ш. Керттик-оол, А. Б. Майынды), подчеркнул их принципиальную установку — «не вносить концептуальных и простых смысловых правок даже в том случае, если автор монографии в разных частях работы излагает противоречивые выводы и суждения» (Бичелдей, 2025: 8). Как отмечается там же, последний вариант рукописей Ч. М. Доржу, положенный в основу издания, демонстрирует и внушительность объема проработанной им научной литературы, и «высокий и строго академический уровень проведенных автором исследований по истории формирования тувинского языка в русле советского, российского языкознания и в соответствии с традициями мировой и российской тюркологии» (там же).

Изучение этой монографии подвигает нас солидаризироваться с коллегами. Проблемное поле «формирования тувинского языка в тесной увязке с историей Тувы и тувинского этноса» (там же: 9) впервые стало предметом отдельного исследования. Признавая факт его появления в научном обороте, отметим, что структурно оно составлено традиционно (введение, 5 глав, заключение, библиография). Однако форма иерархической, линейной логики научного дискурса, в которой представлена монография, компенсируется концептуально новаторским содержанием. Начиная с Введения (Доржу, 2025: 12–19), автор исследования приступает к деконструкции нарратива о «не слишком древнем» формировании тувинцев как этноса (там же: 12–13), а в первой главе «Проблемы этнической истории тувинцев и истоки формирования языка» обосновывает собственную позицию в отношении становления этничности тувинцев (там же: 15–65). На основе анализа исторических, лингвистических, археологических, этнографических и иных источников во второй главе «Тувинский язык в генеалогической классификации тюркских языков», ученый выдвигает авторскую периодизацию истории становления тувинского языка (там же: 66–90), которая получила свою доказательную аргументацию в трех последующих главах (там же: 68–198). Язык изложения прозрачен, выражение заложенных смыслов ясно сформулированы, итоги размышлений отчетливо

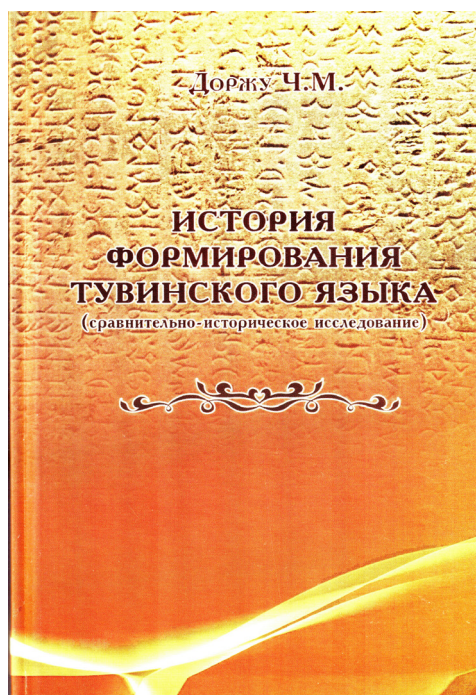
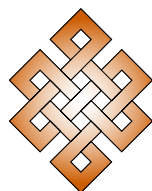

Фото 1. Обложка монографии Чургуй-оола Доржу «История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование)» (2025)

Photo 1. Cover of Churguy-ool Dorzhu's monograph "The history of the formation of the Tuvan language (comparative historical research)" (2025)

¹ В Тuve прошла презентация монографии Чургуй-оола Доржу «История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование)» [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2026, 6 февраля. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/9592-dorzhu.html> (дата обращения: 10.02.2026).

прописаны в выводах после каждой главы (там же: 64–65; 89–90; 120; 168–170). Основные результаты обобщены в Заключение (там же: 199–209). Знакомство со Списком использованной литературы (там же: 210–231) свидетельствует об исследовательском маршруте Ч. М. Доржу: 308 источников на русском языке, включая различные словари, 22 — на иных языках, 3 источника — архивные материалы из рукописных фондов ТНИИЯЛИ и ТИГИ¹, а также из Архива Института востоковедения Российской академии наук. Безоговорочно соглашаясь с мнением редколлегии о солидности объема использованных работ, заметим, что в нем по понятным причинам отсутствуют труды ученых, идеи которых, как мы полагаем, тесно коррелируют с идеями Ч. М. Доржу и увеличивают степень достоверности полученных им результатов.

К несомненным достоинствам издания относим снабжение книги «Библиографией трудов Ч. М. Доржу» (там же: 232–237). В неё включены как отдельные труды ученого (5), так и его работы в коллективных изданиях (4), публикации в научных сборниках и журналах (58), на иностранных языках (4), а также 28 стихотворений, 5 переводов на тувинский и с тувинского (для нас отраднo, что среди них 2 переведенных произведения казахских классиков М. Магауина и О. Бокеева), газетные публикации на русском (6), на тувинском (11), редактирование, рецензирование (41). В Приложении представлена библиография публикаций об ученом (43), видеоматериалы (2) (там же: 232–259). Визуальное восприятие Чургуй-оола Михайловича Доржу посредством фотографии дополняет образ автора. Такое системно представленное научно-творческое наследие ученого формирует в нашем сознании образ человека, к которому с полным правом применима казахская пословица: *Segiz qyryly — bir syryly* 'Многогранно, разносторонне талантливая личность'.

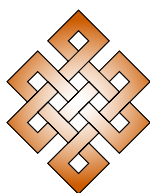
Вместе с тем, в «Предисловии к изданию» четко обозначена перспектива «научных споров и дискуссий как общетеоретического ракурса, так и по отдельным концептуальным выводам и заключениям автора» (Бичелдей, 2025: 8–9). Вне сомнений, любое новое исследование требует верификации — установления истинности, витальности / жизнеспособности предложенных утверждений. Тем более, если, при допущении «противоречивых выводов и суждений», оно позиционируется «несомненно новым и весьма смелым вкладом в общую теорию исторического языкознания» (там же). В силу преломления получаемой информации через призму собственной интеллектуальной биографии каждый ученый, обладая индивидуальным научным багажом, подвергает рефлексии труды коллег по «цеху» и формирует о них собственное мнение.

Наша рефлексия обусловлена желанием высказать первые размышления, появившиеся после знакомства с монографией Ч. М. Доржу. В этой статье мы будем исходить из того, что исследование этого уникального ученого, прежде всего, «работает» на опровержение устоявшегося в науке и социуме понимания о «младописьменных» народах и их этногенезе и отнюдь далеко не только тувинского. Хотя на первый взгляд может показаться, что новаторство исследователя касается непосредственно истории тувинского этноса, мы хотели бы показать корреляцию идей Ч. М. Доржу с идеями других ученых. Их видения, на наш взгляд, подтверждают как жизнеспособность выводов тувинского ученого в отношении древнетюркского письма и т.н. «младописьменных» языков, так и научную легитимность введенных им положений об этногенезе тувинцев и становлении их языка. Таким образом, наше целеполагание определяется попыткой верифицировать концепцию тувинского ученого.

Деконструкция тезиса о «не слишком древнем формировании тувинцев как этноса»

После краткой общей характеристики этноязыковой ситуации в Туве, автор исследования со второго абзаца начинает деконструкцию нарратива, сформировавшегося в отношении истоков тувинцев и их языка. «При ушедшей общественной системе — социализме, вплоть до начавшихся в 1990-е годы ключевых политических и социально-экономических преобразований, вопросы, касающиеся истории тувинцев и их языка, рассматривались в духе существовавших идеологических воззрений. <...> так как преследовалась цель показать величие и роль торжества социализма в судьбе

¹ Прежние названия ТИГПИ: ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории; ТИГИ — Тувинский институт гуманитарных исследований.

народа», — пишет Ч. М. Доржу (там же: 12). Изучение обширного количества источников убедили ученого в несоответствии утвердившихся взглядов в отношении «трактовки истоков и времени формирования их как этноса, да и по другим актуальным судьбоносным проблемам» (там же: 13).

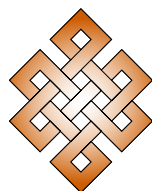
В процессе работы над темой Ч. М. Доржу обращался к 334 источникам, и в том числе к монографии известного археолога и историка М. Х. Маннай-оола (1933–2018) — первым в тувиноведении представившим «целостное представление о происхождении и формировании древнейшего тувинского народа» (Маннай-оол, 2004). Методологически отталкиваясь от предшествующего опыта отечественных ученых-этнологов, автор монографии обратился к новейшим — к моменту написания своего труда — археологическим, этнографическим, антропологическим и другим материалам, раскрывавшим отдельные аспекты этнической истории тувинцев. «Только всестороннее изучение и сравнительно-исторический анализ имеющихся исторических источников могут обеспечить научно обоснованные решения этого сложного вопроса», — заключает ученый (там же: 6). Однако, признание первенства исследования о происхождении тувинцев за М. Х. Маннай-оолом, отнюдь не отменяет концептуальной разницы между двумя интеллектуалами.

Ч. М. Доржу — первый тувинский ученый, посвятивший свое исследование решению проблемы генезиса тувинской этничности в неразрывном единстве с историей формирования тувинского языка. Прежде всего в этом для нас кроется искомое новаторство. Убежденность Ч. М. Доржу в том, что «многие концептуальные методы и видения в отношении раскрытия данной проблемы требуют индивидуального подхода и решения» (Доржу, 2025: 13), обусловило проведение собственного исследования. Основным импульсом послужила его неудовлетворенность идеологизированным подходом к истории, языку, традиционной культуре тувинцев, культивируемых негласно политикой властей Тувинской Народной Республики (ТНР) (с 1921 г.) и после вступления ТНР в состав СССР (в 1944 г.). Отдавая должное прогрессивным событиям «в истории первого самостоятельного государства тувинцев — Тувинской Народной Республики» (там же: 12) как в плане экономическом, так и социально-бытовом, ученый критикует «чрезмерно однобокий, классовый подход по отдельным фактам», искажавшим «историческую правду» (там же: 12). Этот подход стал почвой для рождения стереотипа в отношении этногенеза тувинцев. Его формирование должно было выглядеть не слишком древним, а до Октябрьских событий, по большей части и «вовсе темным и беспросветным» (там же: 12). Отсюда «ревизия», проводимая Ч. М. Доржу в отношении подобных позиций предшественников, изучавших этно-языковое контактирование, отсюда его стремление к концептуальному описанию многовековых связей прототувинцев с предками самодийцев, кетов, тунгусо-маньчжуров, монголоязычными и другими племенами. Отсюда и актуализация необходимости более тщательного изучения диалекта, зафиксированного в древне-рунических памятниках, обнаруженных на территории Тувы. Ученый считает этот диалект прототувинским источником, сформировавшим тувинский язык (там же: 13–14).

«Можно утверждать, — пишет Ч. М. Доржу, — что в рунических памятниках, найденных на территории Тувы, зафиксирован тот древнетувинский диалект, ставший впоследствии основой тувинского языка. По-видимому, к концу телеского или огузо-тюкюйского времени древнетувинский диалект, претендующий на опорный, в основном оформился как достаточно самостоятельный диалект, но с преобладающими особенностями языка огузо-уйгурского типа» (там же: 82).

Этот вывод получает свое косвенное подтверждение в работе казахстанского коллеги: «Язык тюркской руники, будучи языком письменно-литературным, складывался на основе близких диалектов древних племён, вошедших ныне в этнический состав многих тюркских народов» (Аманжолов, 2003: 306).

Позиция Ч. М. Доржу концептуально отличается от видения М. Х. Маннай-оола, полагавшего, что «тувинцы до недавнего времени не имели не только письменной истории, историографии, но и собственной письменности. Хотя их предки использовали древнетюркское руническое письмо (VII–XII вв.), а затем старомонгольское» (Маннай-оол, 2004: 6). Этноязыковое развитие как одно из важнейших составляющих этнической консолидации ускорилось, как считает ученый, со времени формирования тувинской национальной письменности (1930 г.), на основе которой создан единый тувинский литературный язык (там же: 143–144). Эта установка прослеживается и в работах других авторов, представителей других дисциплин (напр., Айнабан, Губогло, Козлов, 1999: 96).

Однозначный вердикт, лишаящий народ какой бы то ни было «письменной истории и собственной письменности», благодаря исследованию Ч. М. Доржу, становится крайне уязвимым. Ученый убеждает читателя в несостоятельности представления о том, что предшествующие поколения тувинцев с XII вв. «до недавнего времени», а значит — до создания тувинской кириллической графики, семь столетий обходились без какой-либо письменной коммуникации. И не только тувинский, но и другие т. н. «младописьменные» народы вообразить обходившимися без письменности едва ли возможно¹. Об этом ранее с опорой, в частности, на труды А. С. Аманжолова (1934–2012) писали и мы, обосновывая нерелевантность зафиксированного в академических словарях термина «младописьменный» в отношении тюркских языков и предлагая свой вариант словарной статьи для соответствующих изданий (Бахтикиреева, 2022). Казахстанский тюрколог неоднократно критиковал позицию официальной советской науки в отношении «старо-, младописьменных» языков: «история не знает ни одного народа, каким бы ‘примитивным’, так сказать, он ни был, у которого не было бы письма в какой-либо форме» (Аманжолов, 2003: 16–17).

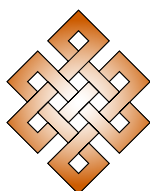
Подход к осмыслению становления тувинского этноса и языка Ч. М. Доржу коррелирует с позицией А. С. Аманжолова, категорически выступавшего против отнесения и *тувинского*, и ряда других тюркских языков в разряд «младописьменных» (там же: 17). Основываясь на палеографическом анализе древнетюркских рун, казахстанский ученый, как и тувинский коллега, не сомневается в древнейшем зарождении тюркской руники. Для установления истоков письменности, писал А. С. Аманжолов, следует обратить особое внимание на «пиктограммы, идеограммы и другие ранние письменные знаки Казахстана и Южной Сибири, относящиеся к эпохам неолита бронзы и раннего железа (IV–I тысячелетия до н. э.)». Ученый «удревняет» дату сложения рунического алфавита в Южной Сибири и Семиречье и относит её к периоду «не позже середины I тысячелетия до н. э.» (там же: 307–308).

Известный историк, археолог, этнограф И. Л. Кызласов предполагает также вероятность получения в ближайшем будущем знаний о «неведомой пока слоговой письменности Западной Азии конца бронзового века», претерпевшей многоступенчатое развитие. Об этом свидетельствует т. н. «верхнеенисейская письменность, сохранившаяся в тувинском варианте енисейского письма», «стелах народа чиков Тувинской котловины» (Кызласов, 2020: 8). Как и казахстанский тюрколог, российский историк усматривает связь истоков письменной рунической культуры с древней эпохой, которую еще следует реконструировать, в том числе изучая сложение «единой поминальной символики в условиях не ведомой общетюркской прародины» (там же: 10). Надписи тушью курсивными енисейскими начертаниями на скалах и стелах, относимые к известным руническим письменам тюркских народов Южной Сибири, Центральной и Средней Азии и Казахстана, ученый расценивает как свидетельство рукописной культуры:

«Широкое для средневековья распространение грамотности на Саяно-Алтайском нагорье подтверждается надписями, выполненными людьми разного общественного положения: и титулованными аристократами, и простолюдинами с обыденными именами. Известны надписи, адресованные женщинам. Книжные знания отражены лексическими заимствованиями из сирийского, иранского, согдийского, китайского языков и санскрита» (там же: 10–11).

Распространенность письменной грамотности у далеких предков тюркских народов не подвергается сомнению. Раннесредневековое наследие, запечатленное в известных рунических письменностях азиатского и евроазиатского корня, «осознавалось и сохранялось ими задолго до VIII в., предоставившего нам первые письменные памятники булгар, тюрок, уйгуров, древних хакасов и чиков» (Аманжолов, 2003: 308).

¹ См. к примеру, о письме древних юкагиров, признанных одним из древнейших народов: «Уникальным памятником северного нomaдизма являются топографические зарисовки местности. ... Берестяные “географические карты” и пиктографические зарисовки были средством коммуникации между удаленными друг от друга кочевыми группами и заменяли устные сообщения. Обычно их оставляли на местах стоянок для информирования следом идущих родственников. ... Необходимость фиксировать знания и передать их сородичам вызвала появление этих уникальных рисованных памятников северной охотничье-рыболовной культуры. ... Функционирование берестяных “карт” и пиктограмм у лесных юкагиров в конце XIX — начале XX в. вызвано кочевым образом жизни, промысловыми потребностями, отсутствием других видов коммуникации в условиях изолированного гомогенного пространства» (Ландшафт и культура ... , 2023: 119–121). Особенность юкагирской культуры — пиктографическое письмо на бересте, использовавшееся для промысловых посланий, сообщений о важных событиях в жизни рода, а также для написания девушками любовных посланий (Акимова, 2021: 118).

Идею более древней датировки истории формирования тюркских языков развивает и Ч. М. Доржу, сосредоточившись на деконструкции тезиса о «темном, беспросветном» и в течение семи веков «немом» прошлом тувинцев. Предлагаемый ученым отсчет этногенеза тувинцев и истории их языка разительно отличается от устоявшейся точки зрения. Период XII–XIII вв. не является «начальной точкой отсчета подлинной истории тувинцев и тувинского языка, ибо автор придерживается точки зрения “бесконечной дали” начала такого процесса, как этнические истоки и история народа. Для отправления в эту “бесконечную даль” нужны ориентиры, опирающиеся на данные разных наук» (Доржу, 2025: 27).

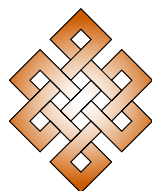
Хронология «бесконечной дали»

Интеллектуальное путешествие Ч. М. Доржу в эту «бесконечную даль» происходит с опорой на данные из разных отраслей знания, что естественно обусловило выбор мульти- и трансдисциплинарного подхода к осмыслению объекта и предмета исследования. Синтез предшествующего опыта генетиков, историков и лингвистов, изучавших этничность тувинцев и историю их языка, с новыми палеоантропологическими, археологическими, этнологическими материалами приводят его к новаторским выводам и перспективным предположениям. Подход Ч. М. Доржу, по нашему мнению, аналогичен системному подходу к языку И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845-1929) — одного из виднейших представителей сравнительно-исторического языкознания, настаивавшего при любой классификации языков «объяснять рассматриваемые факты одновременно как в связи с историей, так и с географией, наконец, с физиологией и психологией и даже с физикой и механикой» (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 342). О продуктивности изучения языковых вопросов посредством обращения к результатам, полученным в других науках, пишет и известный специалист в области сравнительно-исторического языкознания народов Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки О. А. Мудрак: «Довольно часто привлечение внешних, внеязыковых исторических данных помогает проследить направление заимствования» (Мудрак, 2024: 102).

Считаем, что Ч. М. Доржу предпочитает аспектному синтезирующий подход, что, в частности, проявляется в размышлениях ученого о том, что тувинцы в основе своей «сохранили генофонд, свойственный древней азиатской популяции, часть которой мигрировала из Южной Сибири в достаточно древние времена через Берингов пролив в Аляску, далее продвинулись на территорию современных Соединенных Штатов Америки» (Доржу, 2025: 30). Опираясь на исследования медиков-генетиков, свидетельствующих об этногенетических связях предков древних индейцев Америки с этносами из Южной Сибири, в том числе с первопредками тувинцев и других родственных им групп, ученый обнаруживает лексико-семантические параллели в словарном составе коренных американцев-индейцев, тувинцев и тюрков. Обратившись к работе А. Г. Каримуллина «Прототюрки и индейцы Америки. По следам одной гипотезы» (1995), Ч. М. Доржу, выборочно взяв примеры из языков *сиу дакто* и *майя*, транслитерировав их на кириллицу, сравнивает их с тувинскими (там же: 30-31). Предположения ученого косвенно подтверждаются публикациями разных авторов (Ма-нафаров, 2018; и др.¹). Мы соглашаемся с Ч. М. Доржу, как поиск новых, так и установленные им параллели, «сближающие языки коренных американцев-индейцев с тюркскими языками, ... могут послужить материалами для дальнейшего исследования» (Доржу, 2025: 30).

В Главе 1 (там же: 27–65) автор последовательно развивает мысль о преемственности автохтонного населения Тувы «практически с момента заселения человеком территории Верхнего Енисея» (там же: 64). Обращение к данным медико-генетических исследований и трудам историков (Л. П. Потапова, Н. А. Сердобова) позволили ученому заключить: «Истоки зарождения этнической истории тувинцев и других народов Саяно-Алтая ... следует искать примерно с хунского (сюннуского) времени» (там же: 34). Отдавая себе отчет в том, что «этническое происхождение народа и его языка не всегда одно и то же» (там же: 27) и не увязывая напрямую данные медиков-генетиков с истоками

¹ Ороскулов Т. Индейцы и кыргызы родственники? Рассказ ученого о поразительном сходстве народов [Электронный ресурс] // Sputnik. Кыргызстан. URL: <https://ru.sputnik.kg/20200815/indejcy-kyrgyzy-tradicii-yazyk-gipoteza-1049317103.html?ysclid=mmtay7tr8y568086285> (дата обращения: 02.03.2026); Язык майя — тюркский язык? [Электронный ресурс] // Татар.Информ. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/yazyk-maiya-turkskii-yazyk-5841942?ysclid=mmtawtmsf0140503226> (дата обращения: 02.03.2026).

формирования тувинского языка, ученый полагает, что восточно-саянский конгломерат включал в себя и древних предков самодийских или кетоязычных групп. Все они впоследствии были объединены родом *туба*, превосходящим их по численности. Полагаясь на древнекитайские источники, Ч. М. Доржу относит *тоба* к одному из уйгурских народов, пришедших в Саяны в древние времена (там же: 64–65).

Основы же будущей языковой и культурно-бытовой общности закладывались одновременно с формированием ядра тувинского этноса в пределах *телеского* или *огузо-тюкойского* времени — консолидирующим периодом, охватывающим примерно VI–VII вв. (там же: 81–82). Это времена существования тюркских каганатов, в составе которых большой тюркоязычный племенной союз *теле* объединял и предков современных тувинцев (там же: 65). Постепенно отделившийся от языкоосновы *древнетюркский уйгуро-тюкойский диалект*, позже легший в основу тувинского языка, «имел особенности языка огузского типа, с =d= признаком в середине слова, с причастной формой прошедшего времени на =мыш и т. д.» (там же).

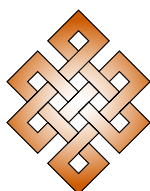
В VIII–XIII вв. прототувинцы наряду с предками тюркских и других племен Центральной Азии и Южной Сибири пользовались руническим письмом, памятники которого сохранились в частности — на территории Тувы. «Памятники древнетюркской письменности Тувы и Хакасии получили в тюркологии наименование “енисейские”» (там же: 55), на данный момент их более полутора сотни. Как выявили тюркологи, верхне-енисейские памятники отличаются от памятников Монголии и Хакасии. В частности, «С. Е. Малов, Н. А. Баскаков, И. В. Батманов и другие были единодушны в том, что из современных тюркских языков тувинский язык наиболее близок к языку письменных памятников с верховий Енисея. Тувинский язык — прямой потомок языка значительной части енисейских памятников древнетюркской письменности», — резюмирует Ч. М. Доржу (там же: 55).

Непосредственную преемственность между языком верхне-енисейских памятников и современного тувинского языка, отмеченную тюркологами, ученый подкрепляет экстралингвистическим — географическим фактором. Опираясь на факт отсутствия свидетельств о массовых переселениях предков тувинцев в древности и в период раннего и позднего средневековья на территорию нынешнего проживания, а также на фактическое обнаружение верхне-енисейских памятников именно в ареале проживания современных тувинцев, Ч. М. Доржу формулирует положение о том, что территория современной Тувы — историческая родина тувинского этноса (там же).

Объемная сравнительная аналитика, осуществленная ученым, позволяет ему утверждать, что «именно данные тувинского языка и его диалектов могут послужить хорошим подспорьем при дальнейшем уточнении перевода текстов и определения некоторых нюансов смысла эпитафий» (там же: 55). Исходя из знания о том, что содержательно большая часть памятников, представляет собой тексты в честь знатных воинов или вельмож, Ч. М. Доржу справедливо определяет их как «узкий круг тематических и лексико-семантических групп слов», не отражающий всю палитру языковой системы (там же: 55). Подобные надписи О. А. Мудрак условно определяет «имперскими»: «Надписи тюркским руническим письмом активно представлены во II Тюркском и Уйгурском каганатах. Они условно названы “имперскими”, и, как правило, такие надписи имеют официальный или близкий к нему статус» (Мудрак, 2024: 95).

Следование размышлениям Ч. М. Доржу в отношении лексического состава текстов «эпитафийного жанра», позволяет уверенно говорить о существовании в те времена разных функциональных языковых стилей. Как мы полагаем, наличие «имперских» рунических текстов в языковой системе раннего средневековья априори предполагает и наличие, по крайней мере, диалектного разговорно-бытового стиля, без которого невозможно неформальное общение, повседневные разговоры в любом человеческом социуме.

Исходя из убеждения о том, что «направление изысканий должно идти от современности к прошлому», «от большого и известного материала к скудному и малоизвестному, а не наоборот» (там же: 6), синтезируя внеязыковые — экстра- и собственно лингвистические факторы, ученый реконструирует этапы становления языка тувинцев. Выдающимся вкладом Ч. М. Доржу в тувиноведение, общую и частную тюркологию, сравнительно-историческое языкознание, вне сомнений, является предложенная им *периодизация* истории формирования тувинского языка или, как ещё определяет её сам автор — «условные хронологические периоды»:

- 1) Прототувинский или тобасский период (примерно IV–V в. н. э., тобасский — от названия сяньбийского поколения тоба);
- 2) Телесский или огузо-уйгурский (VI–VIII вв.);
- 3) Кыргызо-кипчакский период (IX–XII вв.);
- 4) Ойин-урянской (XIII–XVI вв.);
- 5) Среднетувинский (XVII — начало XX в.);
- 6) Новый период (с начала XX в. по сегодняшний день) (Доржу, 2025: 78–79).

Согласно аргументации, обусловившей хронологию в предложенном порядке, её автор указывает на этапы формирования этногенеза тувинцев до и после XII века. Вплоть до 1930-х гг. тувинцы пережили «ойин-урянской» и «среднетувинский» периоды развития, — доказывает Ч. М. Доржу.

За телесским / огузо-уйгурским этапом, когда «окончательно сложилось ядро тувинского этноса, сформировались основы языковой и культурно-бытовой его общности» (там же: 82), прототувинцы пережили кыргызо-кипчакский — один из значимых периодов в становлении тувинского языка.

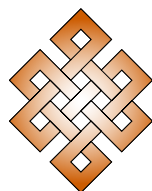
С IX в. диалекты или язык кипчакского типа («скорей всего, древнекыргызского, не имеющего отношения к современному кыргызскому языку»), оказали влияние на древнетувинский язык и его диалекты (там же: 83). Соглашаясь с мнением Ш. Ч. Сата о том, «тувинский язык к XI веку в основном оформился как самостоятельный язык» (Сат, 1973: 20), Ч. М. Доржу пишет: «Древнетувинский язык XI в., по-видимому, был языком достаточно самостоятельным с “д-признаком” в середине слова и очень близким к древнеуйгурскому, возможно его своеобразным диалектом, имевшим локальные особенности» (там же: 85).

Следующий, «ойин-урянской» этап, настаивает автор периодизации, нуждается в более скрупулезном изучении. Учитывая исследование Б. И. Татаринцева о монгольском языковом влиянии на тувинский язык (Татаринцев, 1976) и базируясь на своих наблюдениях, Ч. М. Доржу делает вывод о длительности этого влияния и на лексический состав, и на другие ярусы тувинского языка вплоть до начала XX в. (там же: 87). Как отмечает ученый, контактирование тувинских и монгольских племен, начавшееся с XII в., стало носить более интенсивный характер в XIII в. после подчинения Тувы Чингизидам и обусловило интенсивное проникновение монголизмов в словарь тувинцев (там же).

Это влияние продолжалось в «среднетувинский» период, начиная с XVII в. «вплоть до победы народной революции в Туве в 1921 г. И далее до 30-х – нач. 40-х гг.» (там же: 87–88). Этап интенсивных контактов тувинского языка и его диалектов с диалектами Северо-Западной Монголии (ойротским, дербетским, баитским и др.) характеризуется и проникновением заимствований из тибетского, реже китайского и русского языков. И вместе с тем, это период определяется ученым как этап окончательного слияния диалектов и говоров вокруг центрального хемчикского диалекта (там же: 89).

«Новый» период в развитии тувинского языка Ч. М. Доржу подразделяет на два подэтапа: историческое время ТНР и после вхождения Тувы в состав СССР. Это историческое время характеризуется вхождением в тувинский язык монгольских общественно-политических терминов; созданием национальной письменности на основе кириллической графики и расширением общественных функций языка; освоением русской общественно-политической терминологии; развитием собственно тувинской терминологии, формированием литературной нормы. После вхождения Тувы в состав СССР усиление влияния русского языка на тувинский стало заметным, особенно на фонетическом уровне.

Таким образом, установка ученого на осмысление «бесконечной дали» получила свою хронологическую упорядоченность в его синтезирующей концепции. Полагаем, что доказательная база выдвинутой Ч. М. Доржу периодизации (см. Главы 2, 3, 4, 5), не состоялась бы без его многолетних поисков подлинной истории своего народа, глубокого знания этнического языка и владения языком научного творчества — русским. Не всем ученым удастся продуктивно воспользоваться позицией «изнутри» (инсайдер) и «снаружи» (аутсайдер) и осуществить «богатое исследование, охватывающее сразу разные стороны исследуемого объекта, разные аспекты предмета» (Ламажаа, Сувандии, 2023: 596). В случае с Ч. М. Доржу можно утверждать, что труд, реализованный тувинским ученым — яркий пример плодотворной дихотомии и субъектности исследователя.

Перспективы дальнейших обсуждений концепции Ч. М. Доржу

Основные результаты, обобщенные ученым как в выводах после каждой главы, так и в Заключении, расцениваются нами как альтернативная навигационная карта для последующих исследований истории становления тувинской этничности и языка. В целом, на страницах монографии довольно часто встречается авторская ремарка о необходимости дополнительного изучения того или иного вопроса и верификации. На сегодняшний день нам представляется актуальным поиск аргументов в пользу идей Ч. М. Доржу по нескольким направлениям и прежде всего по исследованиям монголизмов. Не случайно в Главе 5 «Исторические контакты и лексическое взаимовлияние на разных этапах формирования тувинского языка» особое внимание уделено тувинско-монгольским языковым связям (там же: 177–192), тогда как тувинско-кетским, самодийским, тунгусо-маньчжурским и китайским заимствованиям гораздо меньше (там же: 171–176; 192–198).

Монголизмы, по Ч. М. Доржу, в первую очередь, могут стать источниками в решении некоторых неясных вопросов в истории становления языка тувинцев (там же: 88). Тувинско-монгольские контакты могли иметь место «задолго до появления монголов на арене Центральной Азии, т. е. возникновения единого монгольского государства в начале XIII в.», — допускает Ч. М. Доржу, указывая также и на единую буддийскую религию в форме ламаизма (там же). Подтверждением этого предположения мы встречаем в работах других ученых:

«Монгольская империя XIII в. возникла в результате распространения тюрко-монгольской государственной традиции, существовавшей с хуннских времен, с III в. до н. э. <...> Монгольская политика была действительно имперской... Железным обручем она соединила кочевые и оседлые народы в единую универсальную империю, которая охватывала целый континент» (Евразийство: истоки..., 2014: 47, 48).

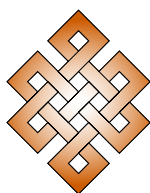
Основной закон империи — «Великая Яса» был принят в 1206 г., а уже в 1207 г. в том числе на нынешней территории Тувы появились отряды старшего сына Чингиз-хана — Джучи (Маннай-оол, 2004: 82; Турсун Жаркын, 2022: 88). Вплоть до распада империи управление шло из единого центра.

«Имперский секретариат имел несколько десятков писцов и переводчиков, которые переводили все указы на языки тех регионов, в которые они направлялись. Среди писцов-переводчиков были представлены практически все народы империи. <...> Преобразования проводились и в области образования и культуры. Создавались государственные школы, в которых был открыт доступ представителям всех без исключения национальностей. В обычных училищах преподавали уйгуро-монгольский и квадратный алфавиты, на которых велось делопроизводство. Существовали и так называемые “школы переводчиков”, в которых изучали китайский, арабский, персидский и другие “иностраные” языки и письменность» (там же: 52, 56).

Эти данные, как и множество других, увеличивают легитимность позиции Ч. М. Доржу, усматривающего в изучении монголизмов перспективы для снятия «некоторых неясных вопросов» в историческом развитии народа и языка. На этом пути могут быть не только гипотетические построения, постулирующие наличие письменной грамотности у предков тувинцев и других тюркских народов. Поэтому считаем актуальным поиск этногенетических, культурных, языковых связей предков тувинцев и монголов посредством других работ, посвященных анализу тюрко-монгольских и тюрко-казахско-монгольских параллелей, выполненных одним из соавторов настоящей статьи и его коллегами (Туймебаев, 2008, 2023, 2024; Туймебаев, Ескеева, 2011; Туймебаев, Егоров, 2023; и др.).

Расцениваем как актуальную и идею Ч. М. Доржу о необходимости исследований текстов тюркской руники с целью выявления монголизмов в контексте утвердившегося в науке положения, высказанного О. А. Мудраком:

«Уже уверенно можно сказать, что подразумевавшаяся аксиоматичность отсутствия монголизмов в тюрк. рунических памятниках, а также в карах. и др.-уйг. языках является надуманной и не учитывает существования и, соответственно, влияния на соседние тюрк. народы монголызычных этносов: сначала — сяньбийцев, потом — тоба (табгачей), основавших китайскую династию Северная Вэй и этнически участвовавших в формировании последующих династий Суй и Тан, позже — киданьской династии Ляо и ее преемницы династии Западное Ляо, правившей на землях Средней и Центральной Азии» (Мудрак, 2024: 102).

Тувинцы, пожалуй, исторически дольше всех на просторах Евразии пользовались старописьменным монгольским языком. Как отмечает Ч. М. Доржу: «Грамотным представителям, а через них значительной части простого населения, была доступна в то время вся та светская и религиозная литература на старописьменном монгольском языке» (Доржу, 2025: 88). Однако тувинская элита также владела *тибетской* и официальной китайской грамотой (там же). Здесь мы усматриваем переключку с выводом А. С. Аманжолова: «Вместе с религией буддизма к тюркоязычным племенам в VIII–X вв. проникали также древнеиндийское письмо “брахми” (в переводах на тюркский санскритских текстов) и его видоизменение — тибетское письмо» (Аманжолов, 2003: 16–17).

Далеко не частный интерес представляет новое прочтение «имперских» надписей на трех тувинских памятниках, вошедших в монографию А. С. Аманжолова: «Первый памятник из Тувы или Бай-Булун II — передняя и правая сторона» (Аманжолов, 2023: 131–132); «Второй памятник из Тувы» (там же: 133); «Третий памятник из Тувы» (там же: 134–135). Тексты этих памятников даны в расшифровке (перевод) А. С. Аманжолова и интересны в плане сравнения с иными прочтениями. «Новое уточненное издание древнетюркских рунических надписей является необходимым условием дальнейшего лингвистического, литературоведческого и историко-культурного изучения данных надписей» (там же: 18).

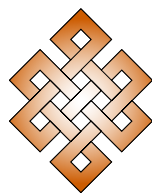
Еще один ракурс исследований видится в сравнительном фактологическом анализе Ч. М. Доржу в Главе 2 «Тувинский язык в генеалогической классификации тюркских языков» с результатами других современных тюркологов. Так, изучая структуру древнетюркского слова на материале орхонских и енисейских рунических текстов Н. Г. Шаймердинова резюмирует, что в эпоху «древнетюркских каганатов сложилась полноценная структура тюркского слова, с четкими границами, формами и значениями корневых и аффиксальных морфем. Корневая морфема, выражающая основное лексическое значение слова, сохранила исторические реликты прототюркских метаформ. Аффиксальные морфемы образуют системы морфологии и словообразования древнетюркского языка» (Shaimerdinova, 2022: 124).

Учитывая намерение Ч. М. Доржу провести не только сравнительно-историческое, но и типологическое исследование истории тувинского языка «в сравнении и сопоставлении с данными родственных языков тюркского корня с привлечением необходимых данных из отраслей и других научных знаний» (Доржу, 2025: 14), весьма актуальной представляется перспектива изучения сформулированных им положений и выводов в контексте системной типологии языков Г. П. Мельникова — одного из основоположников системной лингвистики, последователя учений И. А. Бодуэна де Куртенэ (Мельников, 1971, 2003).

И это отнюдь не все аспекты и ракурсы изучения, которые зародились после знакомства с исследованием Ч. М. Доржу. Рамки одной статьи не позволяют представить все ассоциативные векторы наших размышлений, обусловленных содержанием монографии ученого. Наша установка очевидна: мы руководствовались не поиском «противоречий» автора, но резонировали в ответ на исследование. Контекст-площадку следует продолжить и мы рассматриваем эту перспективу.

Заключение

Изучение монографии показало нам, что Ч. М. Доржу сгенерировал новые смыслы, которые в совокупности суть целостная система знаний, основанная на глубоком осмыслении предшествующих достижений большого числа ученых. Автор исследования предстает перед нами отнюдь не «удревнителем» истории тувинского этноса и языка, но личностью, стремившейся миновать риск субъективизма и соответствовать «холодной» объективности. Нежеланием блуждать с большинством, а страстным стремлением сформировать новое знание, обусловлена осуществленная Ч. М. Доржу деконструкция тезиса о «не слишком древнем формировании тувинцев как этноса». Новаторство ученого не исчерпывается введением в научный оборот нового понимания этногенеза тувинцев, авторской периодизации исторического формирования тувинского языка, понятий и терминов: *прототувинский* и *древнетувинский* язык. По сути, в научный оборот введена уникальная синтезирующая концепция Ч. М. Доржу, своего рода *этнолингвистическая хронология тувинского народа*, с которой придется считаться даже в тех случаях, когда отдельные суждения автора будут вызывать возражения оппонентов. И уже никому из последующих исследователей истории формирования тувинских этноязыковых особенностей нет шансов обойти эти знания в силу их авторской концептуальной целостности.

Остается поблагодарить соратников Ч. М. Доржу по науке, сделавшими возможным расширение нашего научного багажа, почувствовать на страницах монографии дух автора — экзистенциально состоявшейся личности ученого и славного сына своего народа, и продолжить подвергать дальнейшей верификации полученные знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова, В. С. (2021) Этническая история юкагиров (с древнейших времен до XX в.) : в 2 ч. М. ; Берлин : Директмедиа Паблишинг. Ч. 1. 144 с.

Аманжолов, А. С. (2003) История и теория древнетюркского письма. Алматы : Мектеп. 368 с.

Бахтикиреева, У. М. (2022) «Младописьменные языки»: о релевантности термина по отношению к тюркским языкам // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы V Международной научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Каданова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.) / отв. ред.: Т. Г. Боргоякова, Н. С. Майнагашева. Абакан : Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова. 300 с. С. 7–12.

Бичелдей, К. А. (2025) Предисловие к изданию // Доржу Ч. М. История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование). Новосибирск : ООО «Печать Качество». 260 с. С. 8–9.

Бодуэн де Куртенэ, И. А. (1963) Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М. : Изд-во АН СССР. Т. 2. 388 с.

Доржу, Ч. М. (2025) История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование). Новосибирск : ООО «Печать Качество». 260 с.

Евразийство: истоки, концепция, реальность (2014). К 20-летию выступления Н. А. Назарбаева в МГУ имени М. В. Ломоносова. 29 марта 1994 г. / под ред. М. С. Мейера и др. М. : Паблис. 744 с.

Кызласов, И. Л. (2020) Современные основы тюркской рунологии // *Turkic Studies Journal*. № 2, Vol. 2. P. 6–14.

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д. (2023) Особенности работы ученых-инсайдеров в российских регионах // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 20. № 4. С. 583–600. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-583-600>

Ландшафт и культура народов Якутии: сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы (2023) / под общ. ред. Е. Н. Романовой, Н. К. Даниловой. Новосибирск : Наука. 344 с.

Манафаров, А. М. (2018) Сходство лексики местных американских индейцев с тюркской лексикой // Вестник. Серия филологическая. № 3 (171). С. 148–154.

Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука. 166 с.

Мельников, Г. П. (1971) Семантика и проблемы тюркологии // Советская тюркология. № 6. С. 3–16.

Мельников, Г. П. (2003) Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М. : Наука. 395 с.

Мудрак, О. А. Терминология тюркских рунических памятников и монгольская лексика // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 94–103. DOI: <https://doi.org/10.37892/2712-8121-2024-42-43-94-103>

Сат, Ш. Ч. (1973) Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 194 с.

Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 126 с.

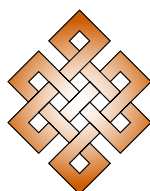
Туймебаев, Ж. К. (2008) История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых соотношений. Астана : б. и. 365 с.

Туймебаев, Ж. К., Ескеева, М. (2011) Көне түркі жазба ескерткіштері тілінің морфологиялық жүйесі (7–9 ғғ.) [Морфологическая система языка древнетюркских письменных памятников (VII–IX вв.)]. М. ; Астана : Қазақстан Республикасы білім және ғылым министрлігі ; Түркі академиясы. 333 с.

Туймебаев, Ж. К. (2023) Историко-генетическое разграничение тюркско-монгольские параллели : фонетические критерии. Алматы : б. и. 719 с.

Туймебаев, Ж. К. (2024) Теоретические принципы и критерии историко-генетического разграничения тюркско-монгольских лексических параллелей. Астана : Тюркская академия. 291 с.

Туймебаев, Ж. К., Егоров, Н. И. (2023) Древнейшие огузско-огурские этнолингвокультурные взаимоотношения // Вестник КазНУ. Сер. филологическая. № 3 (191). С. 64–77.

Турсун Жаркын (2022) Новые успехи китайских исследователей в области истории кыргызов за последние два года // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири : материалы V Международной научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.) / отв. ред.: Т. Г. Боргоякова, Н. С. Майнагашева. Абакан : Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова. 300 с. С. 86–90.

Shaimerdinova, N. G. (2022) The word-formation potential of affixes in the ancient Turkic runic texts // *Turkic Studies Journal*. Vol. 4. № 3. P. 118–127. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-3-118-127>

Дата поступления: 02.03.2026 г.

Дата принятия: 05.04.2026 г.

REFERENCES

Akimova, V. S. (2021) *Ethnic history of the Yukaghirs (from ancient times to the 20th century)*: in 2 parts. Moscow; Berlin, Direktmedia Publishing. Pt. 1. 144 p. (In Russ.)

Amanzholov, A. S. (2003) *History and theory of Old Turkic writing*. Almaty, Mektep. 368 p. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. (2022) “Newly written languages”: on the relevance of the term in relation to the Turkic languages. In: *Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia: materials of the 5th International scientific conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of the outstanding Orientalist and Turkologist N. F. Katanov (Abakan, 19–20 May 2022)* / eds by T. G. Borgoyakova and N. S. Mainagasheva. Abakan, Khakass Publishing House named after V. M. Torosov. 300 p. Pp. 7–12. (In Russ.)

Bicheldei, K. A. (2025) Preface to the edition. In: Dorzhu, Ch. M. *History of the formation of the Tuvan language (a comparative-historical study)*. Novosibirsk, OOO “Pechat Kachestvo”. 260 p. Pp. 8–9. (In Russ.)

Boduen de Kurtene, I. A. (1963) *Selected works on general linguistics*: in 2 vols. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 2. 388 p. (In Russ.)

Dorzhu, Ch. M. (2025) *History of the formation of the Tuvan language (a comparative-historical study)*. Novosibirsk, OOO “Pechat Kachestvo”. 260 p. (In Russ.)

Eurasianism: origins, concept, reality (2014) On the 20th anniversary of the speech by N. A. Nazarbayev at Lomonosov Moscow State University. 29 March 1994 / ed. by M. S. Meyer et al. Moscow, Pablis. 744 p. (In Russ.)

Kyzlasov, I. L. (2020) Modern foundations of Turkic runology. *Turkic Studies Journal*, no. 2, Vol. 2, pp. 6–14. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. and Suvandii, N. D. (2023) Features of the work of insider scholars in Russian regions. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 4, pp. 583–600. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-583-600>

Landscape and culture of the peoples of Yakutia: sacralization, symbolic strategies, geocultural images (2023) / eds by E. N. Romanova and N. K. Danilova. Novosibirsk, Nauka. 344 p. (In Russ.)

Manafarov, A. M. (2018) Similarity of the vocabulary of local American Indians with Turkic vocabulary. *Vestnik. Seriya filologicheskaya*, no. 3 (171), pp. 148–154. (In Russ.)

Mannai-ool, M. Kh. (2004) *Tuvans: origin and formation of the ethnos*. Novosibirsk, Nauka. 166 p. (In Russ.)

Melnikov, G. P. (1971) Semantics and problems of Turkology. *Sovetskaya tyurkologiya*, no. 6, pp. 3–16. (In Russ.)

Melnikov, G. P. (2003) *System typology of languages: principles, methods, models*. Moscow, Nauka. 395 p. (In Russ.)

Mudrak, O. A. (2024) Terminology of Turkic runic monuments and Mongolian vocabulary. *Rossiiskaya tyurkologiya*, no. 1–2 (42–43), pp. 94–103. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.37892/2712-8121-2024-42-43-94-103>

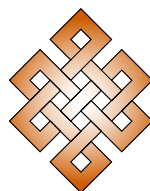
Sat, Sh. Ch. (1973) *Formation and development of the Tuvan national literary language*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 194 p. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (1976) *Mongolian linguistic influence on Tuvan vocabulary*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 126 p. (In Russ.)

Tuimebayev, Zh. K. (2008) *History of Turkic–Kazakh–Mongolian ethno-linguistic relations*. Astana, s. n. 365 p. (In Russ.)

Tuimebaev, Zh. K. and Eskeeva, M. (2011) *Morphological system of the language of Old Turkic written monuments (7th–9th centuries)*. Moscow; Astana, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan; Turkic Academy [Prosper Print]. 333 p. (In Russ.)

Tuimebayev, Zh. K. (2023) *Historical-genetic differentiation of Turkic–Mongolian parallels: phonetic criteria*. Almaty, s. n. 719 p. (In Russ.)

Tuimebayev, Zh. K. (2024) *Theoretical principles and criteria of historical-genetic differentiation of Turkic–Mongolian lexical parallels*. Astana, Turkic Academy. 291 p. (In Russ.)

Tuimebayev, Zh. K. and Egorov, N. I. (2023) The most ancient Oghuz–Oghur ethno-linguocultural relations. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, no. 3 (191), pp. 64–77. (In Russ.)

Tursun Zharkyn (2022) New achievements of Chinese researchers in the field of the history of the Kyrgyz over the past two years. In: *Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia: materials of the 5th International scientific conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of the outstanding Orientalist and Turkologist N. F. Katanov (Abakan, 19–20 May 2022)* / eds by T. G. Borgoyakova and N. S. Mainagasheva. Abakan, Khakass Publishing House named after V. M. Torosov. 300 p. Pp. 86–90. (In Russ.)

Shaimerdinova, N. G. (2022) The word-formation potential of affixes in the ancient Turkic runic texts. *Turkic Studies Journal*, vol. 4, no. 3, pp. 118–127. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-3-118-127>

Submission date: 02.03.2026.

Acceptance date: 05.04.2026.